

Мила Тумаркина

Сердечная
недостаточность

18+

Мила Тумаркина
Сердечная недостаточность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тумаркина М.

Сердечная недостаточность / М. Тумаркина — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Продолжение цикла рассказов под общим названием "Сердечная недостаточность". Рассказы исключительно для взрослых. Даже не 18+, а скорее для тех, кому за 30. Автор пытается ответить на вопрос, можно ли жить без любви.

Содержание

Про толстую Тамару	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Про толстую Тамару

И вот начинала Тамара мечтать. Будто живет она не в коммуналке с соседями и неистребимым запахом ветхости и кошек, а во дворце на берегу океана. Полукруглые решетчатые окна и винтовые лестницы, поднимающие тебя прямо к небу, а на небе звезды, близкие, как вышивка на платье, можно рукой потрогать. Вечером зажигаются в гостиной свечи, звучит музыка, танцуют пары. И все так негромко, с журчащей речью, тихим смехом. Гондолы с влюбленными отплывают на Лебяжий остров, томит любовное нетерпение, ласково плещутся волны.

А потом наступал самый главный момент: будто бы Тамара в спальне – ко сну отходит. Медленно снимает длинное шуршащее платье, наливает воду из большого кувшина в медный таз. И вот уже возлежит в постели с кружевными наволочками и с сумасшедшим запахом лаванды.

Этот запах Тамара полюбила раз и навсегда, на всю жизнь, когда ей, как и всем женщинам в отделе, мужчины подарили на 8-ое Марта маленькую коробочку с лавандовым маслом, помещенным в узкую стеклянную колбочку. Этот запах пронзил все ее большое тело, да так и остался запахом невиданных стран, счастья и запретных желаний. Тамара долго еще выпрашивала у остальных женщин эти колбочки: меняла их на хорошие книги и рижские духи, страшно подорожавшие к тому времени из-за объявленной независимости Латвии. Женщины охотно соглашались на обмен и недоумевали, что хорошего находит Тамара в этом странном запахе. А когда Ирка Мелентьева прочитала всем статейку из какого-то географического журнала, что это масло использовалось древними племенами для натирания и бальзамирования покойников, то и вовсе перестали им пользоваться и дружно принесли все остатки Тамаре. Конечно, на обмен. Так что Тамара, по выражению Иринки, была обеспечена лавандой «на всю оставшуюся жизнь и немного больше».

И вот тут-то начиналось самое интересное. К шуму моря за витым узорчатым окном примешивался отдаленный цокот копыт. Сначала еле различимый, а потом все более слышимый. Тамару била дрожь. На узорный карниз набрасывалась петля веревочной лестницы, и кто-то долгожданный начинал подниматься в спальню. Тамара явственно слышала его дыхание и крепко закрывала глаза, предвкушая невиданное счастье. Но в этот самый миг ее сосед справа – Витька, врубал, дурной, на всю катушку свой магнитофон и тот орал, как сумасшедший непонятными металлическими голосами. Или приходил пьяненький Славик – еще один сосед. А Наташа – его жена, нисколько не смущаясь поздним временем и хорошей слышимостью, начинала с порога выяснять отношения. Слова, которые она употребляла, может, и подходили к ситуации, но начисто отвергали любую возможность существования замков и винтовых лестниц даже в мечтах.

Скандал разгорался, звуки, как взлетающий лайнер, набирали мощность, наконец, раздавался крик: «Убивают!» – это значило, что пьяный Славик не выдерживал необоснованных, с его точки зрения, обвинений. Он молча хватал нож и гонялся за женой, пока она не вбегала в комнату к Тамаре. На этом скандал заканчивался. Обычно Славик и засыпал прямо под дверью тамариной комнаты. А Наташа плакала и проклинала день и час, когда она, «интеллигентная женщина, вышла замуж за этого неудачника и алкаша». Потом просила достать таблеток, «чтобы покончить с этой говенной жизнью навсегда и не видеть белого света, который превратился в одно серое жуткое пятно». Еще говорила, что завидует Тамаре, что вот так и нужно жить настоящей женщине – независимо и свободно, «А с этим паразитами, – добавляла она, – чувствуешь себя не женщиной, а старой лошадью, на которую взгромоздили бетонную плиту, заставили лезть в гору и при этом еще погоняют плетью». «Одним словом, – подытоживала она свой монолог, – бьют, и плакать не велят!» Потом вытирала слезы и просила не оставить

Дашку (дочь), когда она, наконец, освободится от этого кошмара и уйдет туда, откуда не возвращаются.

Тамаре до смерти было жалко Наташу, но она искренне не понимала, почему та устраивает такие дикие скандалы. Ей казалось, что если бы Наталья почаще убирала в комнате, а не смотрела бы день и ночь телевизор, щёлкая семечки, не ходила б в засаленном халате и стоптанных шлепках, а сшила бы себе кокетливую пижамку, привезла бы из деревни Дашку, а самое главное – говорила бы Славику ласковые слова, то все было бы хорошо, и Славик не пил бы. Но Тамару никто всерьез не воспринимал, да она и сама никогда бы не сказала красивой Наташе, что думает по этому поводу.

Тамара включала электрический чайник, чтобы не выходить на кухню, поила Наташу чаем с шоколадными конфетами и слушала, слушала, пока та не выговаривалась, не выплакивалась и не засыпала на тамариной кровати, большой и пышной, как сама Тамара.

Когда-то давно еще в ранней юности Тамара прочитала у О'Генри, кажется, что бывают Люди-Ноги, Люди-Плечи и так далее. Так вот, Тамара была «Жилеткой», причем всеобщей. Ей доверяли такие страшные тайны, делились такими подробностями, какие говорят лишь на исповеди, да и то не все. И женщины, и, как ни странно, мужчины тоже не отставали, и тоже плакались ей на трудности бытия.

Сначала это радовало, потом огорчало, а теперь приносило почти физическую боль. Но она не говорила об этом никому. И продолжала быть «жилеткой». Она была толстой и большой. Такой толстой и такой большой, что если бы она вдруг сказала, что тоже хочет любить, быть любимой или родить ребенка, или, например, что ей нравится какой-нибудь мужчина, то ее бы просто не поняли. Или, что еще хуже и страшней, подняли бы на смех. Как будто толстые и большие люди не способны любить. Поэтому Тамара никому не говорила о себе, да её об этом никто и не просил.

Это она летела на любой телефонный звонок, даже если он раздавался глубокой ночью. Это Тамара не спала, когда Ирка или Любаша, рыдая в трубку говорили, что жизни конец после ссоры со своими друзьями. Это Тамара беспрекословно отдавала ключи от своей комнаты, если кто-то из знакомых говорил, что надо отдохнуть от семьи и расслабиться, иначе они не выдержат рутины и будут глубоко несчастны. Они расслаблялись порой до часу или двух ночи, а Тамара мерзла или ходила в кино, или стояла у батарее чужого подъезда, а незнакомые люди, проходящие мимо, окидывали ее неприязненными взглядами. Иногда и словами добавляли.

Это она бегала в поисках редкого лекарства по всем аптекам, если кому-нибудь с работы нужно было привезти их заболевшей сестре или маме на другой конец города, а им некогда, потому что с Леньчиком надо делать уроки или готовить ужин, или идти к косметичке на маску, или выдвигалась другая, не менее важная причина. Все родители тамариных подруг знали ее домашний телефон и знали, что по этому телефону можно звонить в любое время суток, и никогда отказа не будет.

Она вызывала «скорую», и первая говорила о страшном. Когда же Ленка с работы слегла с язвой желудка на долгих два месяца, Тамара готовила каждый день. На пару. И два раза в сутки ездила кормить ее. Это Тамара ходила на все суды с Иринкой, которая долго и мучительно разводилась с мужем. В общем, она была безотказной.

Все были уверены в ее не востребовавности, да и сама Тамара верила в это. Она была доброй и готовой выслушать и помочь в любой день и час, забывая о себе, напоить чаем и сказать ласковые нужные слова, примчаться на зов, спасти, посидеть с больным ребенком, сделать уроки, полить цветы, помыть, приготовить, купить что-то для кого-то, достать лекарство или отстоять ночью очередь, что напоминала Станцию по выработке Добра. Круглосуточную и круглогодичную. Этим привычно пользовались, твердо убежденные, что Тамаре этого достаточно. Для счастья. И на большее она не способна. Для себя у Тамары оставались только мечты и лавандовое масло.

И Тамара начинала мечтать. Будто осталась она одна в квартире, везде чисто, в вазах цветы, а на ней длинное платье со шнуровкой. Стемнело, вдруг – звонок! Сердце забилося. А она к двери не подходит. Ключ тихо поворачивается и входит Он. Встал у кресла на колени, и руки ее целует. Только хотела Тамара подставить губы для поцелуя, как и вправду звонок в дверь, да такой сумасшедший, что Тамара испугалась.

Ирка влетела в комнатку, будто ведьма на помеле. Но даже растрепанная и без капли косметики, тоненькая и хрупкая, в каких-то детских коротких штанишках и рубашке в клеточку, Иринка была безумно трогательна и хороша. Так беззащитна, что хотелось заслонить ее собой, взять на руки и замереть.

Она открыла свою изящную сумочку, вытащила пачку сигарет, нервно и долго чиркала зажигалкой и, не спрашивая разрешения, закурила.

Тамаре стало жалко Ирку. Вечно у нее что-то происходит, как будто она магнит, притягивающий к себе разные неприятности. Стряхнув пепел в синюю вазочку, стоящую на журнальном столике, Иринка глухо сказала, что приезжает ее бывший муж Павел «с ревизией»: проверить, как живет с матерью его дочь. В суде, при разводе, который длился полтора года, смертельно измучив и Иринку, и Тамару, он горячо настаивал на том, чтобы дочь оставили с ним. Потому что мать (Ирка) плохо на нее влияет, и не занимается воспитанием, не умеет готовить, варит одни покупные пельмени, не следит за здоровьем дочери и вообще – плохая мать, легкомысленная и эгоистичная. И что ей нельзя доверить даже котенка. В конце концов, измотав всех, он вытребовал, чтобы ему отдавали дочь на каникулы.

А Ирина взяла отпуск именно на конец мая, потому что мама свободна и может посидеть с Настей, да и Сережка не может приехать к ней в другое время, у него же семья! И теперь все придется отменить. Но главное – пропадет путевка, которую Ирка купила, горящую, недорогую. Летит к чертям собачьим вся пирамида, которую она так долго и тщательно выстраивала, страховала, чтобы не навредить ни себе, ни семье Сергея. А еще путевку купила в люкс с условием, чтобы никого к ней не подсаляли. «Хотелось, хоть раз в жизни с любимым человеком пожить в нормальных условиях, не по квартирам, не по два часа в неделю, а чтоб с утра и до вечера, и ночью тоже. На это никаких денег не жалко. А теперь все кувырком! Путевку не продашь: кто же соберется в санаторий за один день? С Павлом разборки, отдых пропал, и Сергею как выкручиваться? Тоже ведь что-то говорил своей!» Иринка тихо заплакала, беззвучно, просто струйки потекли по щекам. Тамаре показалось, что еще немного – и сердце у нее лопнет от жалости.

– Сколько стоит путевка? – спросила она. Ирина непонимающе взглянула на Тамару, в ее глазах появилась надежда. Она неуверенно назвала сумму. У Тамары внутри что-то ахнуло, она вспомнила, что откладывала деньги на зимнее пальто с песцовой горжеткой. Но Иринка смотрела на нее с таким страданием, что Тамара подумала: «Черт с ним, с пальто».

– Курортная карта оформлена? – спросила она. У Ирки глаза стали по блюдцу.

– Оформлена, – подскочила она и запрыгала по комнате, не переставая кричать.

– Оформлена, – заорала она громко и радостно. Так кричали, наверное, мореплаватели, видя вдали заветную землю.

Но остановилась:

– Но вот данные...

– Какие еще данные? – переспросила Тамара.

– Рост, вес... – неуверенно залепетала Иринка.

– Ерунда, – презрительно пожала плечами Тамара, изо всех сил стараясь скрыть сомнения, – Будут они обращать на это внимание. За такие-то деньги!

Санаторий республиканского значения Тамару ошеломил. Там даже в фойе стояла кожаная мебель цвета беж, везде, где только можно висели огромные экраны телевизоров, а в необъятный двухкомнатный номер-люкс по утрам приносили завтрак вежливые горничные. На

пушистые ковры хотелось упасть и валяться, не вставая, переключая кнопки на пульте управления всем номером. Мягкие серо-коричневые шторы падали по одному движению руки, подчеркивая роскошь мебелировки, а многочисленные люстры, расположенные на разной высоте и даже вмонтированные в пол, разноцветными лучиками играли на стеклах буфета и на роскошных бокалах и вазах с живыми цветами.

Тамаре было страшно заходить в эти комнаты, но зато мечтать там было можно с утра и до вечера, и никто не мешал.

Санаторий готовился к летнему сезону, и казалось, что он пуст. Людей было мало. Тишина, напитанная хвоей, молодой травой и близостью воды, удивляла. Зеленовато-синий глаз озера, опушенный густыми зарослями хвойного леса, имел на самой середине остров-зрачок.

– Так прямо и называется – Лебяжий! – охотно объясняла Тамаре горничная Надя.

– Вот начнется сезон, – похохатывая, продолжала она, – понаедут холостые-неженатые! Они тут все такие! – словоохотливо дополняла она, – такое начнется, что на танцах вытворяют! А как пару найдут, так на Лебяжий... На лодке быстро. Тепло, хорошо, что еще нужно? И соседа просить не надо.

– О чем просить? – Тамара округлила глаза.

– Ты что, дурная, как первоклашка! Любовь крутить надо? Надо. А комнаты на двоих. Хорошо, если сосед понятливый попадется, уйдет шары катать на биллиарде, или погуляет часика два, или в шахматы. А если упертый какой-нибудь старикан попадется? Или военный в отставке военкоматом направленный? Чо тогда? Орать будет! И еще может «телегу накатать», мало не покажется, – Надя, сорокалетняя крепкая женщина, рассмеялась, – Я тут такого понавидалась!

– А на Лебяжий можно поехать? Просто так?

– Можно, – удивляясь, ответила Надя, – только зачем? На Лебяжий ездят, когда любовь. Вдвоем.

Она снова засмеялась и уже напоследок, глядя в упор на покрасневшую до корней волос Тамару, проговорила:

– Ты, девонька, тоже, не робей, может и тебе повезет, всяко бывает.

До конца срока оставалась неделя, когда в санаторий нагрянула компания молодых стильных ребят. Привыкшая к тишине и одиночеству, Тамара очень удивилась, когда один из них, галантно, почти по-мушкетерски, раскланялся с ней. А потом просто ошалела, увидев на столе, где она сидела, в столовой, букет роз и записку: «С любовью и надеждой на встречу». Она сначала даже не поняла, что букет для нее, и оглянулась по сторонам, пытаясь разглядеть ту, которой предназначались цветы. И сразу наткнулась на острый взгляд молодого человека, который накануне так необычно поздоровался с ней. Он опять склонил голову и прижал руку к груди. Кровь забурилась и стала сотрясать большое тело Тамары, ей стало душно, она не могла ужиматься и просто сидела, стараясь унять дрожь, бившую ее все сильнее.

Соседний столик с молодыми парнями веселился. То и дело раздавались взрывы хохота. Тамара взяла букет и, прижав его к большой груди, стремительно направилась к выходу, но дорогу ей преградил внезапно возникший галантный молодой человек.

– Ростислав. Вам можно называть меня Ростик, – представился он стоявшей столбом Тамаре.

Губы ее еле выговорили имя в ответ, она и сама не расслышала его. Но Ростислав нагло смотрел прямо в лицо и продолжал:

– Я приглашаю вас сегодня на танцевальный вечер, извольте согласиться!

Тамара вскинула глаза и наконец увидела его. Никогда и никто не смотрел на нее так. Нагло, страстно и бесстыдно, будто раздевал. Тамаре показалось, что от этого взгляда покраснели не только щеки, но и все тело. Оно горело, будто кто-то поджег его. Губы сковало. Не под-

нимая глаз, будто боясь расплескать что-то важное, кивнула головой. И вышла, будто выпала, не слыша раздавшегося ей вслед хохота.

До начала танцев оставался час, когда Тамара твердо поняла, что не пойдет в клуб. Не сможет – ноги откажут. Сердце выпрыгнет из груди. Или еще что-нибудь случится. Она медленно подошла к зеркалу. Лицо полыхало по-прежнему, и струился по комнате одуряющий запах огромного букета. Запах роз и свежести, неправдоподобный и прекрасный, как человек, пригласивший ее на танцы.

Тамаре казалось, что температура тела достигла ста градусов. Она очень удивилась тому, что кран с холодной водой не зашипел, когда она коснулась его, а на акриловой ванне не осталось вмятины. Тамара стояла под ледяным душем. Жар стекал с нее вместе с водой. «Этого не может быть», – ежеминутно повторяла она.

Досмотрев передачи по телевизору до конца, она легла в постель почти успокоенной. Сердце сумасшедше вскинулось и забилось, когда она услышала возню на балконе. Там кто-то был. Откинулась штора, и в проеме показался Он. Тамару затрясло. Она закуталась в простыни, и стала похожа на мумию египетского фараона, которую только что показывали по телевизору. Ростислав молча встал на колени и начал целовать руки, губы, шею. В последний момент сознание Тамары уловило молнию, расколотившую небо на две половинки. Грома она не слышала.

Лодка неспешно плыла на Лебязжий. Ростислав грёб размашисто и красиво. Тамаре хотелось потрогать его тело, поцеловать руки и лучше всего закрыть глаза, прижаться к нему и плыть так всю оставшуюся жизнь, не открывая глаз. Но ей было страшно от взгляда Ростислава, почему-то чужого, холодного и любопытного.

– А почему у тебя никого не было? – спросил он вдруг, – Ну, ты понимаешь, не было до меня? Ведь тебе много лет?

Тамара покраснела и молчала.

– Ты меня очень удивила, – засмеялся он.

Ростислав возился с мангалом. Деловито и неспешно устраивался пикник. Тамара ничего не делала, да он и не просил её помогать. Он вообще не замечал ее. Тамара лежала на удивительно белом песке, и в проем сосновых веток смотрела на облака. Тело болело, но ей хотелось плакать от счастья и тишины. Или умереть. Она представила даже, с какой бы радостью могла умереть вот здесь, прямо сейчас, какое это было бы счастье остановить то что ей давала судьба так щедро и незаслуженно. Или уплыть во-о-он на том облаке, хорошо, тихо – и не возвращаться...

– Рост, Ро-ост! Ты где?

Крики прервали полусон, и холодок тревоги заставил подняться и сесть.

– Ого, вот она, твоя Венера, – радостно засмеялся молодой и нагловатый парень из компании.

– Прямо из Эрмитажа и габариты те же, – засмеялись остальные.

– Вот ящик шампанского привезли тебе, как и договаривались, ты его честно выиграл, Рост! – проговорил тот, наглый, и подмигнул Тамаре.

– Давай его сюда. Сейчас и отпразднуем. С нашей именинницей. Шутка удалась, правда? – Ростик близко подошел к Тамаре.

– Ну что, хорошо было? Ты вправду поверила, что я влюбился? Ну, просто первый день творения, честное слово! Дурочка. Кто ж тебя, такую, полюбит? Я просто пожалел. Думаю, надо же, ведь никого не будет у дурехи, если я не помогу. Ребята говорили, что не смогу. А я смог! – он обвел всех горделивым взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.